

Государственный научно-исследовательский
Институт реставрации
Музей фресок Дионисия

Ферапонтовский сборник

VI

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2002

К 1327887

КРОНШТАДТСКИЙ ПАСТЫРЬ В БЕЛОЗЕРЬЕ

Святому праведному Иоанну Кронштадтскому, окормляя российскую паству, приходилось много ездить по стране. Но особую любовь он имел к Русскому Северу.

Путь о. Иоанна на родину в село Сура Пинежского уезда Архангельской губернии пролегал через земли древнего Белозерья, вобравших в себя три огромных уезда: Кирилловский, Белозерский и Череповецкий, с их многочисленными древними монастырями, пустынями и скитами.

Среди воспоминаний современников, знавших Иоанна или сопутствовавших ему, содержится не так много сведений о пребывании кронштадтского пастыря на Белозерской земле. Данная работа — попытка по различным источникам собрать эти сведения воедино и дополнить их неопубликованными материалами.

Более всего о. Иоанн любил шествовать водою. Об этом он писал игумении Таисии: «На пароходе привольнее, чем на машине [поезде — Е. С.]; можно свободно подышать на чистом воздухе»¹. Письменные свидетельства об этих ежегодных поездках позволяют проследить некоторую закономерность маршрута, частью водным путем, частью по железной дороге. Нас интересует в данном случае водный путь, поскольку в Белозерье находился перекресток двух водных систем — Мариинской и герцога Вюртембергского, названные именами императрицы Марии Федоровны, супруги государя Павла I, и ее брата Александра Вюртембергского, который руководил проектными работами водной системы, будучи главноуправляющим Ведомства путей сообщения и публичных зданий.

Мариинский водный путь в Белозерских пределах начинался рекой Ковжей, впадающей в Белое озеро, и заканчивался рекой Шексной. Система герцога Вюртембергского, или Северо-Двинский путь, начиналась под Кирилловым у пристани Топорня и со-

единыла каналами озера Сиверское, Покровское, Зауломское, Вазеринское, Кишемское, Благовещенское и Кубенское, включая течение рек Итклы, Порозовицы и Сухоны². Значительные участки старых систем сохранились здесь поныне и продолжают действовать. И сейчас можно видеть свайные укрепления берегов, узкие судоходные каналы, деревянные плотины, плавучие мосты.

Первая обитель, которая встречается на пути по выходе из Белого озера в Шексну — женский Воскресенский Горицкий монастырь, ставший более известным как монастырь опальных княгинь. Первое упоминание о посещении Гориц кронштадтским пастырем относится к 1891 году. В журнале «Русский паломник» было опубликовано письмо Александры Федоровны Нарцизовой, участвовавшей в поездке прав. Иоанна в Суру, родное село о. Иоанна, где должно было состояться освящение нового храма. Представительницей от Ярославля на этом празднике была А. Ф. Нарцизова, ставшая с тех пор духовной дочерью пастыря.

Описание своего путешествия, составленное под впечатлением от горячего приема, который верующие оказывали о. Иоанну повсюду, А. Ф. Нарцизова послала еще одному спутнику этой поездки, который, будучи редактором «Русского паломника», счел возможным его опубликовать. На статью А. Ф. Нарцизова получила много откликов, в том числе и от самого о. Иоанна. Вскоре письмо вышло отдельной брошюрой, через два года было переиздано, к нему добавлены другие короткие воспоминания о путешествиях с о. Иоанном Кронштадтским³. Несмотря на краткость этих статей и личностные отступления, они являются ценными свидетельствами о пребывании о. Иоанна в монастырях Белозерья.

В 1891 году батюшка возвращался с родины через Великий Устюг, Тотьму, Кадников и Вологду. В Вологду был прислан экипаж из Горицкого монастыря, на котором о. Иоанн 14 июля отправился в Горицы. А. Ф. Нарцизова пишет: «После обедни батюшка выехал из Вологды и меня до слез тронула горячая преданность вологжан к отцу Иоанну. Едва не вся Вологда стояла шпалерами по всем улицам следования о. Иоанна, а потом рекой текла за ним. И еще долго целая вереница экипажей провожала его»⁴. По дороге экипаж заехал в Заоникиеву пустынь.

О том, как встречали долгожданного гостя в Горицах, автор восторженно пишет: «В 3 часа ночи приехали в Горицы. Еще за 4 версты раздался точно в Пасху звон монастырских колоколов, которым встречали монахини глубокочтимого ими о. Иоанна. Когда же он въехал в монастырь, восторг и радость монахинь

были неопишуты: все крестились, обнимались и плакали от радости»⁵. В 7 часов батюшка служил утреню и Божественную литургию. Храм был переполнен, почти все причащались. Перед исповедью о. Иоанн долго говорил, вся церковь, по свидетельству А. Ф. Нарцизовой, плакала. После службы игуменья Нила (в миру Елизавета Ускова) пригласила его на трапезу, не зная, «чем лучше и угостить дорогого гостя». Во время обеда пели вместе три хора монахинь.

После трапезы батюшка вместе с игуменией ездил в мужской Кирилло-Белозерский монастырь и Никулинский скит Горицкого монастыря. Никулинский скит, или Микулино, как его называли, был ближайшей киновией Горицкого монастыря и находился в двух верстах от него в живописном месте на высокой горе. Богатая усадьба рыбинского купца Николая Ионовича Тюменева была пожертвована им монастырю вместе с двухэтажным домом, где в верхнем этаже устроили домовую церковь во имя Святитя Николая. Скит имел вид небольшого благоустроенного монастыря, где в просторных деревянных корпусах жили от 30 до 70 насельниц. Там было также много хозяйственных построек, водяная мельница, пасека. Из всех строений сохранился лишь усадебный дом, который ныне не используется.

«Отец Иоанн был в Микулине, и оно ему очень понравилось: долго он любовался с балкона на живописную холмистую окрестность, покрытую лугами, рощами и лесами на несколько верст, насколько только может хватить глаз», — пишет А. Ф. Нарцизова⁶.

Кроме Никулинского скита, в число трех Горицких киновий входили еще Фетиньинский скит с 70 насельницами — в 12 верстах от Гориц в пустоши Фетиньино, которую в 1801 году пожаловал государь Павел I, и Зосимо-Ворбозомский скит, находившийся на Ворбозомском озере, на острове — также в 12 верстах от Гориц. В прошлом это был мужской монастырь, основанный предположительно в конце XV века Корнилием Комельским, а затем благоустроенный преподобным Зосимой, который прибыл на остров после смерти своего наставника о. Корнилия. Обитель была упразднена в 1764 году и пришла в ветхость. Игуменья Нила (Ускова), движимая горячей любовью к преподобному Зосиме, чьи мощи покоились в монастыре под спудом, в 1890 году добилась присоединения пустыньки к Горицкому монастырю и устроила в нем скит для схимниц.

Побывал в Горицком монастыре о. Иоанн Кронштадтский и в следующем, 1892 году. А. Ф. Нарцизова сообщает трогательные

подробности о приеме дорогого гостя. 8 июля была получена телеграмма о приезде батюшки. Все матушки стали готовиться к причащению. «Эти дни для Гориц были днями поста и молитвы, все приготавливалось к светлому празднику. В ночь с 10 на 11 июля никто почти не ложился, с минуты на минуту ожидая парохода. Наконец, в девять с половиной часов утра раздался торжественный звон столетних горицких колоколов. Весь монастырь точно воскрес от радости... Монахини стройно стали в два ряда от святых ворот до игуменского дома и собора»⁷.

С пристани батюшка прошел прямо в собор, где тотчас началось богослужение, за которым он, по обыкновению, читал и пел сам. «Видя пламенную, слезную молитву истинного служителя Божия пред престолом, его глубокое благоговение к совершаемым таинствам, невольно чувствуешь, что претворяемые хлеб и вино суть истинно тело и кровь Христовы. В эти минуты как-то отрешаешься от всего земного и видишь пред собою только св. престол и перед ним молящегося отца Иоанна... И как благотворно действует на душу такая молитва! Точно воскреснешь после нее; и так молиться можно, кажется, только с отцом Иоанном»⁸.

После службы о. Иоанн намеревался поехать в Кириллов, но, получив телеграмму, в которой его внезапно вызывали в Петербург, направился к пароходу. Наступил час прощания сестер со своим пастырем. «Звон так торжественно гудел, что даже земля под ногами дрожала. Весь берег был залит народом и монахинями и я дивилась, откуда, в таком сравнительно пустынном месте явилась такая масса народа? Когда пароход двинулся, все почти монахини стеной двинулись по берегу за пароходом, так было всем дорого каждое лишнее мгновение видеть этого великого молитвенника перед Богом за нас, грешных. И еще долго монахини бежали за пароходом. Как на грех, на дороге то и дело встречались изгороди, которые они быстро разбирали или перелезали. Отец Иоанн весело улыбался, глядя на их работу, и сначала шляпой, а потом белым флагом махал им крестообразно. Наконец и самые неугомонные отстали и до земли ему поклонились, отец Иоанн благословил их и тоже им поклонился. И еще долго он смотрел на удаляющийся монастырь, как бы молясь и внутренне призывая на него Божие благословение»⁹.

В Горицком монастыре о. Иоанн Кронштадтский застал еще в живых известную подвижницу — Христа ради юродивую Асенефу (Клементьеву). Краткое упоминание об этом мы находим в воспоминаниях вологжанина, архимандрита Спасо-Прилуцкого

монастыря, а впоследствии епископа Измаильского Неофита (Следникова), будущего новомученика.

Асенефа была дочерью богатой вологодской помещицы Александры Алексеевны Клементьевой, которая, овдовев, ушла вместе с тремя дочерьми в Горицкий монастырь — по благословению архимандрита Феофана Новоезерского (Соколова). Старшая дочь Серафима (в иночестве Аркадия) писала для монастыря иконы. Средняя Аполлинария (в иночестве Арсения) стала игуменией монастыря после игумении Маврикии (Ходневой). Младшая же, Раиса, попав в обитель в 14-летнем возрасте, стала проявлять склонность к подвигам, тяжким трудам, пощению и усиленной молитве. В 27 лет приняла монашеский постриг, наречена была Асенефой и в день своего пострига начала юродствовать.

Мать ее (в иночестве Агния) была глубоко огорчена, не понимая причины перемены в дочери, пыталась ее лечить, даже связывала и возила на отчитывание к старцам. Так длилось до той поры, пока Агния не оказалась свидетельницей того, как встретил блаженную задонский затворник Георгий*:

«Ну, Асенефа, — сказал он ей, — велик ты крест взяла на себя, снесешь ли его?»

Блаженная до конца донесла свой крест, а прожила она немало — до 92 лет. Записано было множество случаев ее прозорливости и молитвенной помощи страждущим. В конце жизни она ослабела, о чем предсказывала сама, лишилась зрения и «заболела ногами». Последние 16 лет лежала на полу в своей келье над холодным подвалом. Там в 1891 году ее и посетил о. Иоанн Кронштадтский.

«Придя в келлию к м. Асенефе, — пишет епископ Неофит, — он приветствовал ее: „Благослови, матушка; трудись, трудись, сколько лет лежишь?“ Она отвечает: «Ты меня не видишь, не знаешь меня?» Наклонился к ней, благословил, держал головушку, погладил спину, поцеловал блаженную в голову, дал ей платочек: «Вот я тебе платочек подарю, прощай». Она спокойно улыбнулась»¹⁰. На следующий год блаженная преставилась.

Ее воспитанница, из прислуги Клементьевых, которую она четырехлетним ребенком носила на руках на гору Мауру, назы-

* Георгий Затворник (1789—1836), в миру Машурин, — видный подвижник Задонского монастыря Рождества Богородицы. Вологжанин, сын дворянки вдовы Анны Машуриной, которая жила неподалеку от храма Николая на-Глинках в Рассылочной слободе в Вологде.

вая Фишей, была пострижена с именем своей наставницы Асеныфы (в миру Анфия Корчагина) и стала горицкой игуменией. На посту настоятельницы ее застал мятежный 1917 год.

О посещении Горицкого монастыря в 1906 году батюшка известил Леушинскую игумению Таисию письмом от 4 июня: «Мой пароход „Св. Николай” обрадовал меня своим приходом в Горицы. Там я служил литургию и пробыл почти весь день. Мат[ушка] Анд[риан]а была очень больна; причина — грабеж и похищение лучшего строевого леса крестьянами, науськанными от революционеров. 2000 деревьев срубили и увезли; после суда возвратили лишь сот восемь, а остальные увезли. Вот времена-то настали!»¹¹.

Среди горицких насельниц, окормлявшихся у батюшки, была и будущая игумения Зосима, принявшая мученическую кончину (в миру — Рыбакова Екатерина Ревокатовна, из крестьян деревни Красново Ферапонтовской волости). В 1887 году в возрасте 20 лет Екатерина поступила в Горицкий монастырь. Через 9 лет она была определена в число послушниц¹², а 28 октября 1909 года — пострижена в монахини¹³. Игуменией стала, очевидно, перед закрытием Горицкого монастыря в конце 1920-х годов. Во время гонений несколько раз арестовывалась, сидела в тюрьме. Последний арест — в октябре 1937 года. 14 октября на Покров Божией Матери, игумению Зосиму (Рыбакову) расстреляли¹⁴. Вместе с нею были арестованы еще 15 горицких монахинь, живших на окраине Белозерска. Их расстреляли через несколько дней после матушки¹⁵.

Вологодской епархией собираются материалы об игумении Зосиме (Рыбаковой) для Комиссии по канонизации при Московской Патриархии.

* * *

Среди духовных чад о. Иоанна Кронштадтского наиболее близкой к нему была настоятельница Иоанно-Предтеченского монастыря игумения Таисия (Солопова). Превратив малую общину в первоклассный монастырь, ставший известным в России, матушка Таисия приобщила к монашеской жизни немало насельниц не только для Сурского монастыря, о чем просил ее батюшка, но для всех «дочерних» обителей Леушинского монастыря. Их с подворьями оказалось немало, три — только в Белозерье. В 1904 году состоялось открытие Ферапонтова монастыря. Почти одновременно с ним определением Священного Синода в сельце Парфенове Череповецкого уезда, в поместье дворянки Евдокии

Силантьевой, была учреждена Парфеновская Богородицкая община. В 1911 году возобновлена Антониево-Черноезерская пустынь на Черных озерах в Череповецком уезде, бывшая когда-то мужским монастырем.

Вскоре к обителям прибавилось еще несколько подворий, каждое из которых представляло собой вполне самостоятельное хозяйство и требовало много хлопот и опеки. Практически это были самостоятельные монастырьки, подчинявшиеся игумении головного монастыря. Только Леушинский монастырь имел три подворья: в Петербурге, Череповце и Кириллове.

Кроме названных Сурской, Ферапонтовской, Парфеновской и Антониево-Черноезерской обителей в Новгородской губернии, м. Таисия дала первых насельниц и начальниц в Благовещенскую Воронцовскую общину Холмского уезда Псковской губернии (с 1903 года монастырь) и Вауловский Успенский скит Борисоглебского уезда Ярославской губернии (1903 год). О широкой деятельности игумении Таисии по созиданию обителей свидетельствовал и сам о. Иоанн Кронштадтский: «По сладким плодам любви твоей и я знаю тебя вот уже около 35-ти лет. За все это время любовь твоя о Христе изливалась постоянно чистою струей — неоскудно и во всяких видах..., а главное — помогала мне в устройении всех моих обителей»¹⁶.

Примечательно, с каким почтением и пастырской любовью обращался о. Иоанн к матушке Таисии в своих письмах: «Раба Божия и сестра моя возлюбленная о Господе Таисия!», «Возлюбленная о Христе и благоговейная м. Таисия!», «Неоцененная м. Таисия!», «Достопочтенная дочь моя духовная и сестра о Господе!», «Друг мой во Христе и сестра моя м. Таисия!», «Многотрудная и многострадальная сестра о Господе Таисия!», «Многочтимая по достоянию и справедливости м. игумения Таисия!», «Дорогая, родная душе моей матушка Таисия!»

Для вновь открывшихся общин игумения Таисия составила Устав. Изложенный письменно, он был тщательно выверен о. Иоанном Кронштадтским, который с радостью его благословил. В письме от 23 апреля 1899 года он написал: «Устав, составленный тобою, я прочитал и кое-где поправил в выражениях. Устав носит отпечаток твоего недюжинного ума, благочестия и опытности духовной; на днях пошлю его к преосвященнейшему Антонину, вероятно, и он будет доволен, а пожалуй и удивлен. Это много поможет ему в начальном устройстве Воронцовской общины, а может быть, погодится и для других в дальнейшем»¹⁷.

Устава этого держались в новых монастырях, общинах и на подворьях. Но главным воспитательным моментом для инокинь, возвращенных игуменией Таисией, был пример самой их духовной матери — матушки Таисии — истинной монахини и подвижницы, имевшей 40-летний опыт иноческой жизни. Она создавала особую атмосферу сестринской любви и с материнской заботой передавала свой опыт другим¹⁸.

Впервые о. Иоанн Кронштадтский побывал в Леушине 18 июля 1891 года. Это был неожиданный приезд, на нем настояла м. Таисия. Она приехала по монастырским делам в Череповец, не зная о том, что туда прибыл пароход с о. Иоанном. С трудом протиснувшись к батюшке и разделив с ним радость встречи, матушка очень просила его заехать в свою обитель, уговорив хозяев парохода задержаться на пристани. Впечатления этого дня она записала тогда же, как и сам разговор.

О. Иоанн согласился, но как будто был недоволен, что задерживает хозяев. По дороге спросил: «Что ты так просила меня заехать? Вот мы с тобой виделись, побеседовали — не довольно ли?» Матушка ответила: «Оттого-то, батюшка, я и прошу Вас, что имела счастье побеседовать с Вами и видеть Вас. Получив это счастье для себя, я не могу не желать, чтобы и сестры мои удостоились того же. Если не употреблю для сего всех зависящих от меня мер, то это будет у меня на совести». В монастыре о. Иоанн был совсем недолго, матушка Таисия потом сетовала, что не успела его накормить. «Напротив, я сыт больше, чем нужно, — ответил батюшка. На прощание утешил: Отныне мы будем часто видеться. Я ежегодно буду ездить на родину и обратным путем, может быть, буду заезжать в твою обитель»¹⁹.

Игуменья Таисия многократно просила батюшку принять свой монастырь под духовное водительство, по опыту зная, что ему открыто состояние сердец человеческих, и веруя, что по его святым молитвам Господь спасет живущих в обители. Желание старицы исполнилось, когда однажды батюшка сказал: «Да, Господь даровал мне эту обитель твою, и я ваш молитвенник всеглашний». В тот же день матушка записала в своем дневнике: «От избытка ощущений, вызванных этим событием, я не могла разобраться в мыслях, я сознавала, что сказанное мне батюшкой после чтения, было делом слишком большой важности, слишком радостным для меня и для всей обители; я сидела, углубившись в свои мысли, и даже забыла поблагодарить батюшку за его такой духовный бесценный дар»²⁰.

О. Иоанн стал ежегодно бывать в Леушинском монастыре, иногда задерживаясь по нескольку дней. Там у него появлялись редкие минуты уединения и отдыха. Заботы об этом оказывала преданная своему духовному наставнику матушка Таисия. О. Иоанн очень любил дни пребывания в Леушине, они давали ему возможность немного передохнуть от изнурительного многолюдья, которым он был постоянно и повсеместно окружен. Его чудесный дар исцелений и прозорливости налагал тяжелое бремя славы. Среди истинных его почитателей и подлинно страждущих людей, нуждавшихся в помощи и утешении, было множество докучливых празднолюбцев, любопытствующих или фанатиков-«иоаннитов», от которых о. Иоанн немало страдал как духовно, так и физически. Потому так важна была чуткая забота о нем матушки Таисии, ее деликатное внимание к нему.

В 1893 году игумения Таисия построила скиток «Пустыньку», куда уединялся батюшка для молитвы. Иногда его прогулки туда разделяла сама игумения. Скиток возник на том месте, где Батюшка чудесно «нашел» землянику, там, где ее никто не видал ни раньше, ни потом, да и по времени была не ее пора. Место заметили, вбили колышек, потом поставили крест, стали приходить сюда молиться. Собирались и в непогоду, и в зимнее время. Построили часовню, которую переделали в церковь во имя св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Скиток называли «Крестик», или «Пустынька». В 1903 году о. Иоанн совершил в Леушинском монастыре закладку зимнего Троицкого храма.

Приезды батюшки в Леушино были трогательны и радостны, они сопровождалась, как и повсюду, где он бывал, встречами с множеством народа, жаждущего духовного общения с прославленным пастырем. Одну из встреч так описывает игумения Таисия. «Мужички с обнаженными головами, кланяются в пояс; женщины с младенцами на руках спешат наперерыв поднести своих деток, хотя бы ручкой-то коснулся их батюшка; только и слышно: „Батюшка-кормилец, родимый ты наш, красное солнышко“. А батюшка на обе стороны кланяется, благословляет, говоря: „Здравствуйте, братцы! Здравствуйте, матери! Здравствуйте, крошечки Божии! Да благословит вас всех Отец наш Небесный! Христос с вами! Христос с Вами!“»²¹.

А в монастыре сестры встречают его громким стройным пением: «Благословен грядый во имя Господне!». И далее с пением провожают до самого соборного храма, где пастыря встречают священнослужители. Звон в большой колокол давно уже гудит.

Похоже на что-то пасхальное, прерадостное: общий подъем духа, общее торжество! После литургии, за которой всегда бывает много причастников, о. Иоанн проходит прямо в сад, куда приглашаются все сослужавшие ему священнослужители и гости, приехавшие с ним. Туда же подают и самовар со всеми угощениями, и дорогой гость старается всех утешить, зная, что всякому приятно получить чаек из его рук. Потом он идет гулять по аллеям сада один или с собеседником, но никто не беспокоит его»²².

Хотя в воспоминаниях современников Иоанна Кронштадтского упоминается множество случаев чудесных исцелений и даже издана книга об этом одним из его горячих почитателей²³, наибольшее впечатление производит случай, описанный игуменией Таисией. Это произошло в 1903 году. Молитвой батюшки была остановлена сибирская язва, свирепствовавшая в округе Леушинского монастыря. Мор на скотину принес огромные бедствия. Со всех сторон были поставлены карантинные, и приезжавшим в монастырь приходилось идти пешком 10 верст от пристани Борки. И хотя в самом монастыре падежа скотины не было, угроза оставалась.

Игуменья Таисия пребывала в сомнении, предупредить ли батюшку о невозможности посетить Леушино в то лето, или, презрев угрозу, подвергнуть опасности весь монастырский скот. Помолившись, матушка все-таки поехала к пристани на тарантасе, запряженном одной лошастью. За две версты от пристани, на заставе, едва проехали, «как на беду нам пересекают дорогу две дроги, везущие павших лошадей для закопки их в отведенном месте. Ужас мой и опасение удвоились и я почти уверена была, что должна была лишиться своей лошадки. Кое-как, наконец, добрались до пристани и, со всеми предосторожностями, опрыскав и окутив, убрали лошадь в конюшню. Утром я отправилась на встречу батюшке и еще на пароходе рассказала ему все. Выслушав меня молча, батюшка встал со своего места, стал ходить по трапу парохода и молиться. Через полчаса времени он снова сел подле меня и сказал: „Какое сокровище — молитва! Ею все можно выпросить от Господа, все получить, всякое благо, победить всякое искушение, всякую беду, всякое горе“. Я уже начала смекать по этим словам, что и наша сибирская язва победится его молитвами, что и высказала ему. Батюшка ответил: „Что же — вся возможна верующим!“»²⁴.

Когда пароход подошел к пристани Борки, ближайшей к Леушинскому монастырю, на ней уже собралась не одна сотня до-

мохозяев — просить батюшку помолиться об избавлении их от такого тяжкого наказания, как потеря скота: «Что мы будем делать без скотинки-то, кормилец? Ведь ни земли не вспахать, ничего — хоть по миру иди! Уж и без того-то бедно, а тут еще такая беда».

— За грехи ваши Господь попустил на вас такую беду; ведь вы Бога-то забываете; вот, например, праздники нам даны, чтобы в церковь сходить, Богу помолиться, а вы пьянствуете; а уж при пьянстве чего хорошего, сами знаете!

— Вестимо, батюшка-кормилец, чего уж в пьянстве хорошего, одно зло.

— Так вы сознаетесь, друзья мои, что по грехам получаете возмездие?

— Как же не сознаваться, кормилец! Помолись за нас, грешных!

И все пали в ноги. Батюшка приказал принести ушат и тут же из реки почерпнуть воды; совершив краткое водоосвящение, он сказал:

— Возьмите каждый домохозяин себе этой воды, покропите ею скотинку и с Богом поезжайте, работайте; Господь помиловал вас.

Затем батюшка вышел на берег, где уже стояли наши лошади, которых он сам окропил, равно и привезшую меня на пристань лошадку, и мы безбоязненно поехали в обитель. В тот же день все мужички поехали куда кому было надо, все карантинны были сняты, о язве осталось лишь одно воспоминание, соединенное с благоговейным удивлением к великому молитвеннику земли Русской»²⁵.

Когда о. Иоанн ехал в обитель, то благословлял и лес на обе стороны: «Возрасти, сохрани, Господи, все сие на пользу обители Твоей, в ней же имя Твое святое славословится непрестанно». И, что поразительно, обитель эта впоследствии, будто град Китеж, оказалась укрыта водою от бесчинств XX столетия. Она попала в зону затопления при создании Рыбинского водохранилища и представляет собою крохотный выступ, окруженный водою и потопленным лесом — место мало доступное.

На опубликованных в разных изданиях фотографиях, иллюстрирующих посещения о. Иоанном Леушинского монастыря, среди сестер узнаваемы будущие начальницы и игумении других монастырей: монахини Руфина (Соснина) — устроительница Ново-Богородицкой общины в сельце Парфенове, Серафима (Сулимова) — первая игумения Ферапонтова монастыря, Агния

(Благовещенская) — преемница игумении Таисии в Леушине. Их имена встречаются и в письмах о. Иоанна.

Так, после своей последней поездки на пароходе в 1908 году батюшка писал игумении Таисии: «Отдыхаю в Устюжне вот уже четвертый день, служу ежедневно, благодарю Господа за каждый день и час. Благодарю и тебя, дорогая матушка, за твои материнские ласки в обители и на пароходе, за пение сладкое сестер... Кланяюсь доброй казначее твоей Агнии и всем певчим, особенно регентше Серафиме»²⁶. В послужном списке Леушинского монастыря за 1922 год указано, что монахиня Серафима (Пыхтенкова) была регентшей в общей сложности 30 лет, а в 1921 году за 25-летнее служение в этой должности была награждена золотым наперсным крестом²⁷. Отец Иоанн очень любил пение леушинских сестер, часто несколько монахинь вместе с регентшей Серафимой сопровождали его на пароходе какую-то часть пути.

Упомянутая в том же письме «добрая казначея Агния» стала последней игуменией в Леушине. В миру Анна Никитична Благовещенская, 1868 года рождения, из духовного сословия, 14-ти лет поступила в Леушинский монастырь. В течение 20 лет состояла послушницей при настоятельских кельях своей любимой наставницы Таисии, а после ее кончины в 1915 году сестры единодушно избрали Агнию настоятельницей²⁸. Матушка Агния приняла мученическую кончину 70-летней старицей. По приговору тройки при УНКВД по Вологодской области она была расстреляна 25 января 1938 года²⁹. Комиссия по канонизации при Вологодском епархиальном управлении собирает материалы об игумении Агнии (Благовещенской).

* * *

Незадолго до кончины праведный Иоанн Кронштадтский охотливил своими посещениями и ферапонтовских сестер. Насельницами новой обители стали воспитанницы м. Таисии, которая здесь первые два года сама управляла делами. Обитель устраивалась по образцу Леушинского монастыря. Неоднократно здесь бывал о. Иоанн, знавший ранее многих сестер по Леушинскому монастырю и его подворью в Петербурге.

Благословляя возобновление Ферапонтова монастыря в письме от 15 января 1904 года, о. Иоанн писал игумении Таисии: «Поздравляю с началом по восстановлению Ферапонтовской обители. Много придется тебе поскорбеть и потрудиться над этим делом.

Но Господь поможет тебе, — и тебе, великой старице, даст силу воссоздать древнюю обитель во славу Божию; посылаю на начало ее 300 рублей»³⁰. Летом того же года о. Иоанн снова послал пожертвования: «Бог послал мне нечаянно доброго человека, который пожертвовал мне от своего достатка, как будто для того, чтобы я помог нуждам Ферапонтова; ибо случилось это в тот самый час, когда я, глядя на икону преподобного Ферапонта, думал о его древней св. обители, в которой просияло уже столько подвижников, из коих некоторые уже видимо увенчались в нетлении вечной славы. Вот этот-то дар я и посылаю для Ферапонтова на твое имя»³¹. Икону преподобного Ферапонта накануне прислала в дар батюшке игуменья Таисия.

И впоследствии о. Иоанн поддерживал новую обитель пожертвованиями: «Посылаю 300 рублей на Ферапонтовскую обитель, прошу меня не обижать отказами или отговорками, что мне и самому нужно на мои обители: Ивановскую, Сурскую и Воронцовскую. Мне Господь посылает на долю каждого, и моим обителям помогаю по несколько десятков тысяч, а другим — понемножку; а ведь обители-то пред Господом все равны. Благословение шлю вам именем Господним. Поддержи, Господи, старицу Таисию, много поработавшую тебе! Твой сын и брат пр[отоиерей] И[оанн] С[ергиев]»³².

Среди реставрационных материалов начала XX века, хранящихся в Институте истории материальной культуры Российской Академии наук в Петербурге, есть любительский снимок³³, запечатлевший проводы о. Иоанна Кронштадтского прихожанами Ферапонтова монастыря. На фоне Святых врат с трудом можно разглядеть в толпе сидящих в повозке о. Иоанна и игуменью Таисию. Фотография относится к тому времени, когда в Ферапонтовом монастыре начались реставрационные работы под руководством императорской Археологической комиссии. Предположительно, снимок сделан И. И. Бриллиантовым, входившим в комиссию по реставрации.

Уроженец села Цыпина Ферапонтовской волости И. И. Бриллиантов увлекался фотографированием, и благодаря его интересу к достопримечательностям родных мест сохранились фотографии не дошедших до нашего времени храмов на Ильинском погосте, виды окрестностей монастыря, семейные снимки. Им написана история Ферапонтова монастыря, до сих пор остающаяся единственным исчерпывающим трудом по данной теме³⁴. Именно после прочтения книги И. И. Бриллиантова игуменья

Леушинского монастыря Таисия возгорелась желанием восстано-
вить в Ферапонтове монашескую жизнь.

Иван Иванович Бриллиантов — один из четырех сыновей священника Ильинской церкви Цыпинского погоста отца Иоанна Бриллиантова, посвятившего свою жизнь пастырской и педагогической деятельности. О. Иоанн открыл первую в Кирилловском уезде церковно-приходскую школу, в которой преподавал в течение 20 лет, а первоначально сам ее и содержал³⁵. Позже ему стала помогать младшая дочь Ольга, окончившая Леушинскую учительскую школу.

И. И. Бриллиантов окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию, как и его старший брат Александр Иванович, который стал ординарным профессором Академии. Одним из главных его научных трудов была подготовка к изданию лекций выдающегося ученого Василия Васильевича Болотова (1854—1900), члена-корреспондента Российской Академии наук. А. И. Бриллиантов состоял членом предсоборного присутствия и Поместного собора Русской Православной Церкви в 1917—1918 годах. Оба брата погибли в тюрьмах в 1930-х годах³⁶.

В своих письмах к матушке Таисии, опубликованных ею в 1909 году, о. Иоанн Кронштадтский неоднократно упоминает имя будущей игумении Ферапонтова монастыря Серафимы, называя ее то регентшей, то казначеей. Действительно, монахиня Серафима была и регентшей и казначеей в разное время*. В

* Поскольку в письмах о. Иоанна встречается одно и то же имя Серафимы, относящееся к разным монахиням, обратимся к послужным спискам Леушинского монастыря. Имя Серафимы носили четыре насельницы: Елизавета Николаевна Сулимова, Мария Ефремовна Пыхтенкова, Елизавета Андреевна Шурова и Надежда Яковлевна Ивановская. Первые три Серафимы были казначеями в разное время, две (Сулимова и Пыхтенкова) — еще и регентшами. М. Серафиму (Ивановскую) не следует иметь в виду, поскольку этим именем ее нарекли в схиме в 1921 году. В 1900 году под именем Варвары ее определили на должность начальницы Сурской общины с возведением в сан игумении, но через 2 года уволили с перемещением в Леушинский монастырь. Упомянутая ранее м. Серафима (Пыхтенкова), в течение 30 лет руководившая монастырским хором, не несла послушание казначеи. М. Серафима (Шурова) стала казначеей в 1917 году, до этого она заведовала монастырским подворьем в Петербурге в течение 5 лет, но, по-видимому, уже после кончины о. Иоанна³⁷. Из вышесказанного следует, что в письмах о. Иоанна, помеченных 1902 годом, монахиня Серафима, упоминаемая то казначеей, то регентшей — это будущая игумения Ферапонтова монастыря. Послушания она проходила различные, преимущественно состояла регентшей монастырского хора в Леушине. Когда было построено подворье Леушинского монастыря на Бассейной улице в Петербурге в 1893 году, то послушница Елизавета управляла хором подворской церкви. 15 марта 1901 года Елизавета Сулимова была пострижена в монашество с именем Серафимы. В

миру Елизавета Николаевна Сулимова, дочь устюженского купца, 1859 года рождения, в 18-летнем возрасте поступила в Леушинский монастырь в 1876 году, в 1884-м определена в число послушниц.

В письме к Таисии от 14 марта 1902 года о. Иоанн писал: «Серафима регентша сегодня, 13-го, сама навестила меня и передала твое письмо. Очень порадовался я и письму, и ей. Я был трои сутки без голоса и недомогал. Теперь поправляюсь, голос вернулся, завтра хочу служить у тебя на подворье — дай Бог»³⁹. Далее, в сентябре: «Пишу это письмо в присутствии твоей казначеи Серафимы в праздник ваш храмовый — святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова... Утром, по обычаю, катался в карете, чтобы подышать чистым воздухом, вместо тебя катался с казначеей Серафимою»⁴⁰.

В дальнейшем, когда о. Иоанн приезжал в Ферапонтов монастырь, его встречала м. Серафима, уже игуменья новой обители: «Теперь я в Ферапонтове, ночевал в новом корпусе, который смотрит на величественное озеро. С вечера было тепло, а ночь была холодная — запер все окна, оставленные мною нараспашку к ночи. Готовлюсь к обедне. М. Серафима игуменья нашла нужным исповедаться у меня и я с любовью принял ее сердечную исповедь. Сестры тоже будут причащаться»⁴¹. Письмо помечено 4 июня 1906 года.

Матушка Серафима была неустанной труженицей, заботливой и любящей матерью для сестер, радушной хозяйкой для паломников, которые с открытием монастыря во множестве устремились к древним святыням. Кроме тягот по управлению обителью, где все только начинало налаживаться, и хлопот по строительству новых деревянных корпусов, на плечи игуменьи Серафимы ложилась сложная и ответственная задача по содействию и участию в восстановительных работах, развернутых в монастыре под управлением Археологической комиссии.

Как и в Леушинском монастыре, в Ферапонтове много внимания уделялось образованию и воспитанию детей из Ферапонтовской слободы. Уже вскоре после возобновления обители от-

1902 году вернулась в Леушинский монастырь для исполнения назначенной должности казначеи. В 1905 году игуменья Таисия командировала монахиню Серафиму для исполнения должности настоятельницы новой Ферапонтовской обители. 2 июля 1906 года указом Новгородской консистории матушка Серафима была возведена в сан игуменьи, 29 мая 1909 года Священным Синодом награждена наперсным крестом⁴².

крылись рукодельные классы для девочек, а в 1909 году монастырем была построена женская церковно-приходская школа. Крестьянских детей учили всему необходимому для жизни: грамоте, ремеслам, церковному пению, Закону Божию. Игуменья Серафима всячески опекала учениц, особенно из бедных семей. Монастырь содержал школу полностью на свои средства, кормил детей, шил школьную форму. Матушка много занималась благотворительностью: поддерживала неимущие семьи, бесприданниц. Старожилы с благодарностью вспоминали школу, ее заботливых учительниц-монахинь, заложивших в них прочные жизненные основы и полезные знания.

Новый новгородский владыка архиепископ Арсений (Стадницкий), назначенный на кафедру в 1910 году, несколько раз объезжал свою епархию, в том числе и дальний Кирилловский уезд. Посещениями Ферапонтова монастыря владыка оставался очень доволен. Об этом его свидетельствуют автографы, сохранившиеся в «Книге для записи лиц, посещающих Ферапонтов монастырь». По всей видимости, книгу и завели в связи с приходом высокого гостя: его записью она открывается в 1911 году. Вторая относится к 1913 году: «22-го июля опять посетил эту знаменитую обитель, молился, удивлялся, восхищался, радовался начавшемуся внешнему возрождению ее соответственно внутреннему благоустройству и процветанию под руководством рачительной игумении Серафимы»⁴².

Много теплых слов в адрес матушки Серафимы и сестер содержит эта книга. В числе оставивших памятную запись был князь Алексей Оболенский, состоявший в Комитете по восстановлению обители: «Приношу Святой обители, глубокочтимой матушке игумении Серафиме и всем сестрам глубокую сердечную благодарность за доброту, любовь, радушие и ласковый прием. Дни пребывания в святой Ферапонтовой обители — счастливейшие дни моей жизни»⁴³.

Добрейшая матушка Серафима приняла мученический венец, она первой из монахинь Белозерья взойшла на Голгофу. 2/15 сентября 1918 года череповецким карательным отрядом были расстреляны епископ Кирилловский Варсонофий (Лебедев), vicарий Новгородской епархии, игуменья Ферапонтова монастыря Серафима (Сулимова) и четверо мирян. Казнь совершилась в предместье Кириллова по дороге на Горицы, на горе Золотухе. Осенью 1998 года на этом месте был установлен памятный Крест.

Комиссия по канонизации при Московской Патриархии вынесла определение о том, что нет препятствий к общецерковному

почитанию священномученика Варсонофия (Лебедева), преподобномученицы Серафимы (Сулимовой) и иже с ними пострадавших⁴⁴. Еще в 1918 году Комиссией по гонениям, созданной Поместным собором 1917–1918 годов, начали составляться их Жития. По свежим следам были собраны свидетельства их подвига, но работа не была завершена. В октябре 1998 года к этим материалам вернулись.

* * *

О пребывании о. Иоанна Кронштадтского в Белозерье свидетельствуют сохранившиеся реликвии: в Ферапонтовском приходе, музейном собрании и у частных лиц. Это, преимущественно, фотографии, которые раздавались о. Иоанном по пути следования его почитателям или людям, получившим исцеления по молитвам праведника. Есть святыня, связанная особым образом с Ферапонтовым монастырем. Это — фелонь, в которой о. Иоанн совершал богослужения в обители преподобного Ферапонта. Вместе с парным портретом Иоанна Кронштадтского и игумении Леушинского монастыря Таисии (Солоповой) фелонь хранилась в Покровской церкви под Кирилловом — первой, открывшейся после всех упразднений церкви, куда стекались под покров Божией Матери последние насельницы закрытых кирилловских монастырей. В их числе была последняя игумения Ферапонтова монастыря Мартиниана, которая хранила фелонь и фотографию (а, возможно, и не только их) своих духовных наставников. Игумения Мартиниана в годы гонений чудом уцелела и умерла своей смертью на 86-м году, похоронена с северной стороны алтаря Покровской церкви.

Игумения Мартиниана (в миру Мария Ивановна Цветкова, 1869–1955) поступила в монастырь еще девочкой. Марию заметила игумения Таисия в купеческом доме ее родителей в Череповце. Мать Марии любила принимать матушку и леушинских сестер. Когда Марии исполнилось 15 лет, игумения прислала за ней. Мать отпустила в монастырь дочку, которая давно и неотступно готовила себя к иноческой жизни⁴⁵. В Леушинском монастыре Мария прожила около 20 лет, а с открытием подворья в Петербурге несла послушание при нем, шила церковные облачения. Когда возобновлялся Ферапонтов монастырь, в числе выразивших желание пойти в новую обитель была и послушница Цветкова.

В январе 1906 года в монастыре был первый постриг. По этому случаю о. Иоанн Кронштадтский написал м. Таисии: «Приветствую с новопостриженными в мантию сестрами Ферапонтовской обители, послужившими как бы первым видимым началом ее восстановления и утверждения обители. Да пребудет она благополучна до скончания века, в благочестии и довольстве»⁴⁶. Марию Цветкову, которая была в числе постригаемых, нарекли Мартинианою в честь преподобного Мартиниана, одного из основателей Ферапонтова монастыря. Его мощи покоятся в обители в соименной церкви-усыпальнице под спудом.

В 1912 году м. Мартиниану перевели в Леушинский монастырь, а затем, около 1914 года, она стала заведующей Леушинским подворьем в Петербурге. После расстрела игумении Серафимы (Сулимовой) митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий) в январе 1919 года сделал представление святейшему патриарху Тихону о назначении монахини Мартинианы настоятельницей Ферапонтова монастыря с возведением в сан игумении, что и было утверждено⁴⁷.

С закрытием монастыря игумения Мартиниана некоторое время жила неподалеку в деревне Шёлково, потом — на окраине Кириллова, скрываясь в семье одной старушки. Кормилась тем, что шила лоскутные одеяла. Один год вместе с нею жила будущая староста Покровской церкви Анна Ивановна Виноградова, которая и передала в дар Ферапонтовскому приходу драгоценные реликвии. По устному преданию, фелонь для о. Иоанна шила сама м. Мартиниана, а надпись на ней сделана значительно позже протоиереем о. Георгием Ивановым, настоятелем вологодского храма Андрея Первозванного, который начинал свое иерейское служение 20 лет тому назад в церкви Покрова под Кирилловом. Там он застал еще горицких монахинь. Со слов м. Гавриилы он и сделал надпись на фелони: «В этой ризе служил о. Иоанн Кронштадтский в Ферапонтовом монастыре».

Мать Гавриила (в миру Надежда Васильевна Кузнецова) умерла в 1981 году. Приняла постриг поздно, не в монастыре. Постригал ее иеромонах Нил (Назаров), служивший когда-то в Горицах, в прошлом насельник Кирилло-Белозерского монастыря. В Кириллове м. Гавриила жила вместе с манатейной монахиней Горицкого монастыря Меланией и девицей Параскевой. После войны м. Гавриила фелонь перешивала, пришла новый подол, а оплечье сохранилось прежнее.

Спустя годы о фелони как-то забылось. В Покровской церкви сменились несколько настоятелей и старост прихода. Обрелась

риза в 1993 году, когда недавно открывшийся ферапонтовский приход, не имея средств для покупки нового облачения, заказал швее, жившей при Покровской церкви, сшить из пожертвованной парчи голубое облачение. Для образца стали искать в рухлядной старую фелонь, в которую уже давно никто из священников не облачался, и ее не жалко было бы распороть. Когда развернули одну из них, обнаружили надпись, свидетельствовавшую о принадлежности фелони Иоанну Кронштадтскому и вместе с фотографией передали ее в ферапонтовский храм.

Кроме парного портрета в приходе села Ферапонтова хранятся еще три подлинных фотографии о. Иоанна Кронштадтского. Одна из них была им подарена насельнице Ферапонтова монастыря Валерии (в миру Елизавета Петровна Шишунова). Обстоятельства, при которых она подарена, неизвестны, снимок-визитка находился у родственниц м. Валерии. О. Иоанну она была знакома по Леушинскому подворью в Петербурге. Это подтверждается одним из писем батюшки.

В феврале 1905 года, когда о. Иоанн сильно недомогал, сестры подворья постоянно проявляли заботу о своем пастыре, навещали его, передавали письма матушки Таисии. К этому времени относится и то письмо, в котором упоминается м. Валерия, тогда еще послушница Елизавета: «Во время болезни моей очень трогательно было мне, больному, сочувствие царя и царицы несколько раз, то через телеграмму, то по телефону в Дом трудолюбия. Спаси их, Господи, и помилуй, и скорби их утоли. А как, скорбящая Матушка, твое здоровье? Ты за всех скорбишь, и за меня в числе прочих. Твоя послушница Елизавета Шишунова скажет тебе, как она меня нашла. Я при ней пишу это письмо; и сейчас чаем ее буду поить. Кланяюсь тебе, батюшкам и всем сестрам и всем учащимся. Приведет ли Господь побывать нынешний год в Леушине?»⁴⁸

Мать Валерия происходила из мещан города Устюжны Новгородской губернии. Семейное предание повествует о том, как она избрала иноческий путь. Отец рано овдовел и воспитывал один шестерых детей. Елизавета была младшей. Как-то, навещая могилу матери, она встретила незнакомую женщину, которая, проходя мимо оградки, сказала: «Как вашей маме хотелось, чтобы кто-нибудь из дочерей стал монахиней». Когда девушка вернулась домой, то объявила семье, что уходит в монастырь. Сестра Надежда возразила: «Лучше я пойду, я же старшая». «Мне сказали, я и пойду», — ответила Елизавета. «Тогда я — с тобой, чтоб

ты не одна была. А то больно молода». Когда Елизавете исполнилось 16 лет, обе сестры пошли в Леушинский монастырь, матушка Таисия приняла их с любовью. Это было в 1901 году.

При пострижении Елизавету нарекли Валерией, она несла послушание на Леушинском подворье, откуда перешла в Ферапонтов монастырь вместе со своей духовной сестрой Мартинианой, будущей игуменией. Вскоре после разорения Ферапонтовской обители м. Валерия умерла (между 1930 и 1932 годами). Игуменья Мартиниана, похоронив подругу на Поклонной горе, на сельском кладбище невдалеке от монастыря, перешла в Кириллов.

Фотография о. Иоанна Кронштадтского хранилась у внучек одной из сестер м. Валерии, но родственницы не знали, чей портрет лежал вместе со снимками сестер-монахинь. Еще одна подлинная фотография батюшки попала в Ферапонтово от исцелившейся по его святым молитвам уроженки Кириллова А. В. Шумиловой (урожденной Маркеловой). Ее дочь Т. И. Обленова рассказала, что Анна Владимировна в детстве страдала от тяжелого заикания. Когда пароход с Иоанном Кронштадтским плыл по каналам, все ожидали остановки его на шлюзах и лавах — плавучих мостах, где проход для судна более узок и где до борта можно было дотянуться рукой. Туда приносили больных. Принесли девочку и родители Анны и передали по рукам на пароход. Батюшка дал ей просфору, потом положил руку на головку, помолился. На прощание дал яблоко, велел съесть, сказав родителям, что девочка будет долго спать и чтобы ее не будили. Анна проспала 17 часов и болезнь прошла бесследно. А. В. Шумилова всю жизнь хранила портрет о. Иоанна, полученный в благословение после ее чудесного исцеления, от нее он перешел к дочери.

Анна Владимировна прожила нелегкую жизнь, она была дочерью кирилловского купца Маркелова, родом из деревни Жилино Волокославинской волости, где неподалеку находилась Благовещенская церковь — на берегу реки Порозовицы. Река входила в Мариинскую систему, по ней пролегал путь о. Иоанна Кронштадтского на Север, и однажды батюшка делал в Волокославинском остановку и служил в церкви Благовещения⁴⁹.

В советские годы А. В. Шумилову не раз арестовывали: и за веру, и за социальное происхождение, вменялись в вину и родственники мужа — Ивана Васильевича Шумилова, кирилловского фельдшера. В 1934 году ее снова арестовали по делу «о контрреволюционной организации церковников». Это был громкий процесс с многочисленными жертвами, однако для Анны Влади-

мировны он обошелся неожиданно благополучно. Чудесным образом приговор в ее адрес гласил: «дело прекратить»⁵⁰. Это было удивительно, поскольку для суда того времени подсудимая была уязвима со всех сторон: была верующей, купеческой дочерью, тесть ее был раскулачен, а расстрелянная впоследствии игуменья Горицкого монастыря Зосима (Рыбакова) приходилась ей двоюродной сестрой.

Несколько фотографий-подлинников Кронштадтского пастыря находятся в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике. Три фотопортрета поступили с фотоальбомом учительницы кирилловской женской гимназии Александры Александровны Ковыркиной. На двух из них — карандашный автограф о. Иоанна. Еще один снимок батюшки передала внучка кирилловского купца и лесопромышленника Н. Н. Неворотина. Фотография запечатлела о. Иоанна на палубе небольшого речного судна «Шестовец». В группе лиц, окружающих его, снят и сам Неворотин, горячий почитатель о. Иоанна. Это его, Н. Н. Неворотина, упоминает в своих письмах о. Иоанн Кронштадтский в числе благодетелей, предоставлявших малые суда для путешествий по Мариинской системе. В 1900 году он писал игуменье Таисии: «11-го июня имел радость встретить свой пароход «Св. Николай» на большой воде. Радости не было конца. Радость увеличена добрыми друзьями Лопаревым и Неворотиним, лесопромышленником»⁵¹. Из письма 1901 года: «Нынешний год думаю опять на пароходе отправиться в Суру, если Неворотин и Лопаревы дадут пароходы (маленькие, чтобы проехать шлюзами)»⁵².

По воспоминаниям художника и фотографа Сергея Васильевича Животовского, сопутствовавшего о. Иоанну в 1903 году, один из малых пароходов, предоставляемых Неворотиним, назывался «Кема». Он пишет: «Пройдя... шлюзы св. Петра, св. Георгия и св. Александра, мы вошли в р. Ковжу и к 3 часам ночи пришли к устью речки Удашки, где находится большой лесопильный завод Неворотина... При заводе имеется образцовая пожарная команда и большой дом с садом владельцев — братьев Неворотиных»⁵³.

Неворотины жили в поселке Удаж Покровской волости Кирилловского уезда, расположенном в 108 верстах от Кириллова на реке Ковже. Лесопильный завод здесь был построен еще дедом. Второй завод Неворотиных — Спасо-Порозовицкий — находился в Волокославинской волости. Оба они входили в акционерное общество Северорусских лесопильных заводов. По рекам Ковже и Порозовице сплавливались лес и пиломатериалы.

Николай Николаевич Неворотин был потомственным почетным гражданином Кириллова. После постройки Кирилловского духовного училища он стал блюстителем нового учебного заведения по хозяйственной части. В 1910 году, когда на съезде духовенства и церковных старост Кирилловского училищного округа было принято решение об учреждении стипендии имени протоиерея Иоанна Сергиева (Кронштадтского) при Кирилловском духовном училище, Н. Н. Неворотин был в числе инициаторов сбора пожертвований на стипендии в поддержку неимущих учащихся.

Семья Неворотиных была горячо привязана к о. Иоанну, своему благодетелю. Молодая супруга Николая Николаевича была им чудесно исцелена. Это чудо записано со слов ее внучки — Марии Дмитриевны Буйняковой, живущей в Москве⁵⁴. Мария Александровна Неворотина (урожденная Валькова, дочь кирилловского купца) тяжело болела базедовой болезнью. И хотя была молода — ей было не более 23 лет — болезнь приковала ее к постели. Она не могла встать. Любящий супруг просил батюшку приехать к ним в дом и помолиться о больной. Милосердный пастырь не мог не откликнуться на его мольбу. Войдя в дом, о. Иоанн направился в комнату, где находилась больная, поговорил с ней очень сердечно, сказал, что будет просить Бога о ее исцелении, потом обратился лицом к иконам и стал молиться. Молился долго и горячо. Когда закончил, снова подошел к болящей и сказал, что она будет здорова. Вскоре Мария Александровна поправилась и прожила до 1953 года.

Купеческий род Вальковых был широко известен не только в Кириллове. Братья Александр и Григорий Вальковы владели магазинами, домами в центре города Кириллова и усадьбами в уезде. Знали их и в Петербурге. Тестю Неворотина — Александру Валькову — принадлежала усадьба Лукинская под Феропонтовым, на берегу Бородаевского озера. Семья была трудолюбивой, честной и благочестивой. Две сестры Вальковы — Прасковья и Стефанида Александровны — стали монахинями Горицкого монастыря⁵⁵. Их отец, кирилловский купец Александр Семенович Вальков погребен на кладбище Кирилло-Белозерского монастыря, где хоронили не столько богатых или знатных горожан, сколько людей, имеющих общественные заслуги. О судьбе братьев Вальковых мало известий, в местной газете 1918 года их имена упоминались в числе заложников и лиц, привлекаемых к рытью могил для расстрелянных.

В доме Вальковых бывал о. Иоанн Кронштадтский, который упомянул об этом в своем дневнике при своеобразном обстоятельстве. Этот отрывок из дневника находим в воспоминаниях епископа Арсения (Жадановского): «В городе Кириллове заезжали на подворье Леушинское к игумении Таисии минут на десять, а оттуда в усадьбу купца кирилловского Григория Александровича Валькова и супруги его Елены Алексеевны; угостившись обедом, отправились в Ферапонтову обитель, где ночью и служу завтра Литургию. При въезде в усадьбу Валькова в ветхом человеке моем возникла зависть к дешево купленному имению и благополучию Валькова. Сердце сжалось и лишилось благодати. Я тогда тайно принес покаяние Господу от всей души и Господь помиловал меня, простил, отъял грех, умиротворил душу, дал ей простор и дерзновение. Слава Господу, скоропослушливому и благоуветливому!»⁵⁶.

Батюшка подарил епископу Арсению несколько тетрадей своих дневников с собственноручной подписью. Епископ Арсений опубликовал частично 3 тетради из 16. Дневниковые записи, помимо разных сведений о событиях из жизни праведника, свидетельствуют о том, как внимателен он был к состоянию своей души и как тщательно очищал ее покаянной молитвой.

Цитируемая запись помечена 29-м числом без указания года и месяца, предшествующая датируется июнем 1907 года. Значит, в Ферапонтовом монастыре о. Иоанн Кронштадтский служил последний раз 30 июня 1907 года, в воскресенье на Собор славных и всехвалных 12-ти апостолов — храмовый праздник любимого Иоаннова монастыря в Петербурге, бывшего Сурского подворья.

В последний раз о. Иоанн проезжал по Белозерью незадолго до своей кончины — летом 1908 года. «Это было уже последнее его посещение, — писала игумения Таисия. — Он был уже очень слаб, почти ничего не мог кушать, мало разговаривал, все больше читал, уединялся, но служил ежедневно в соборном храме... Пробыл он у нас в обители 9 дней и в день отъезда спросил меня: «Сколько дней я пробыл у вас, матушка?» Когда я ответила, то он продолжал: «Девятины справил по себе, уже больше не бывать мне у тебя. Спасибо тебе, спасибо за твое усердие, за любовь, за все!»⁵⁷.

Сестры провожали батюшку, как всегда, с пением и со слезами. Всем было ясно, что бесценный светильник догорает. Когда они с матушкой выехали из монастыря, отец Иоанн стал оборачиваться, глядя на обитель: «Любуюсь еще раз на твою обитель:

тихая, святая обитель! Да хранит ее Господь; поистине с вами Бог!» М. Таисия, взяв пятерых певчих, провожала своего духовного отца на пароходе. От пристани Борок судно направилось к Рыбинску и затем вниз по Волге к Каме.

Накануне того дня, как матушка с сестрами должны были расстаться с о. Иоанном, он попросил сестер пропеть все известные им «Херувимские». Песнопений набралось много. Когда дошла очередь до «Симоновской», о. Иоанн сказал: «Это моя любимая песнь, я сам ее пел, еще будучи мальчиком» и попросил повторить. Затем пропели по его просьбе «О Тебе радуется» и «Высшую небес». Батюшка во время пения сидел в кресле у борта парохода, закутанный в теплую рясу, и сидя, регентовал правой руко и подпевал. Когда пропели «Высшую небес», он заметил: «Это хорошо, но уже новый напев, а я певал иначе», и он своим мелодичным, но уже старческим голосом пропел всю эту песнь до конца, то есть до «во еже спастися нам». Пропев, о. Иоанн встал и, обратясь к певчим, произнес: «Ну, дай Бог и нам всем спастися! Спасибо вам, сестры, за ваше прекрасное сладкопение, которым вы и всегда утешали меня»⁵⁸.

На следующий день, 6 июля 1908 года, они расстались.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Письма протоиерея Иоанна к настоятельнице Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного монастыря игумении Таисии. СПб., 1909, с. 41.

2. Плечко Л. А. Старинные водные пути. М., 1985, с. 71, 80; Смирнов И. А. История Северо-Двинской водной системы. — Кириллов. Историко-краеведческий альманах, вып. 1. Вологда, 1994, с. 100–117.

3. Нарцизова А. Ф. Поездка в Горицкие кинонии и встреча с о. Иоанном Кронштадтским. СПб., 1892; Она же. Письма о путешествиях с о. Иоанном Кронштадтским на его родину и в другие места. СПб., 1894.

4. Нарцизова А. Ф. Письма о путешествиях..., с. 12–13.

5. Там же, с. 14.

6. Там же, с. 24.

7. Там же.

8. Там же, с. 25.

9. Там же.

10. [Неофит, еп.]. В дар Христу. Воспоминания о юродивой монахини Асенефе Клементьевой епископа Неофита. Сергиев Посад, 1917. с. 28.

11. Письма протоиерея Иоанна..., с. 83.
12. РГАДА, ф. 1441, оп. 3, д. 2519, л. 94 об. Послужной список Горицкого монастыря за 1906 г.
13. ГАНУ, ф. 480, оп. 1, д. 3935. Послужной список Горицкого монастыря за 1913 г.
14. Справка УФСБ России по Вологодской области № ОРАФ\8-690 от 28 июня 1996 года на запрос Кирилло-Белозерского музея. Сведения предоставлены директором музея Г.О. Ивановой, за что автор приносит ей благодарность.
15. Ленинградский мартиролог. 1937–1938. Книга памяти жертв политических репрессий, т. 2 (октябрь 1937 года). СПб., 1996. Об обстоятельствах ареста игумении Зосимы более подробно: *Стрельникова Е.* Новомученики и исповедники белозерские. – К свету, № 15 Край Кирилла Белозерского. М., 1997, с. 150–151.
16. Письма протоиерея Иоанна..., с. 93.
17. Там же, с. 22.
18. Письма к новоназначенной инокине о главнейших обязанностях иноческой жизни Леушинского монастыря настоятельницы игумении Таисии. СПб., 1994.
19. Беседы святого праведного Иоанна Кронштадтского с настоятельницей Иоанно-Предтеченского монастыря игуменией Таисией. СПб., 1994, с. 38.
20. Там же, с. 41.
21. Там же, с. 20.
22. Там же, с. 20–21.
23. *Сурский И. К.* Отец Иоанн Кронштадтский. М., 1994, т. 1–2.
24. Беседы святого..., с. 52.
25. Там же, с. 53.
26. Письма протоиерея Иоанна..., с. 99. Кроме цитированного письма Иоанн Кронштадтский с благодарностью поминает Анну Благовещенскую и в других письмах (там же, с. 69, 77). В письме от 1 июля 1907 года отец Иоанн благодарит игумению Таисию и сестер за заботу и предупредительность: «Особенно от доброй Агнии, которая была для меня лучше родной сестры» (там же, с. 91).
27. ГАВО, ф. 1129, оп. 1, ед. хр. 2, л. 8–9.
28. Там же, л. 1.
29. Справка Архива УФСБ России по Вологодской области № 10/8-С-17 от 23 апреля 1997 года на запрос Ферапонтовского прихода.
30. Письма протоиерея Иоанна..., с. 66.
31. Там же, с. 71.
32. Там же, с. 80.
33. ИИМК РАН, фотоархив, П-89245, оп. 1379–835.
34. *Бриллиантов И.* Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. СПб., 1899.

35. *Иванова Г. О.* Первая школа в уезде. — Новая жизнь (Кириллов), 1988, 10 ноября.
36. *Вздорнов Г.* Летописец Ферапонтова Иван Иванович Бриллиантов. — Памятники Отечества, вып. 30. М., 1994, с. 131–136.
37. ГАВО, ф. 1129, оп. 1, ед. хр. 2, л. 5об.–6, 8об.–9. Послужной список Леушинского монастыря за 1922 г.
38. РГАДА, ф. 1441, оп. 3, д. 2569. Послужные списки Ферапонтова монастыря 1905 г.; д. 2484 (то же, 1913 г.).
39. Письма протоиерея Иоанна..., с. 51.
40. Там же, с. 59.
41. Там же, с. 83.
42. КБИАХМЗ, Фонд докуиентальных источников, ед. хр. 435, л. 7.
43. Там же, л. 5 об.
44. ЖМП, 1999, № 3, с. 4.
45. Более подробно об этом: *Стрельникова Е.* Новомученики и исповедники белозерские. — К свету, № 15. Край Кирилла Белозерского, с. 150–151.
46. Письма протоиерея Иоанна..., с. 80.
47. ГАНУ, ф. 481, оп. 1, ед. хр. 63; РГИА, ф. 831, оп. 1, ед. хр. 9, л. 90. Сведения взяты: *Бовкало А. А.* Настоятельница Ферапонтова монастыря игуменья Серафима. Рукопись, с. 8. — Материалы для составления Жития преподобномученицы Серафимы, представленные для рассмотрения Комиссии по канонизации.
48. Письма протоиерея Иоанна..., с. 74.
49. Св. Иоанн Кронштадтский служил в Благовещенской церкви села Волокославинского 24 июня 1903 г: *Животовский С.* На Север с о. Иоанном Кронштадтским. — Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. М., 1998, с. 198.
50. Архив УФСБ России по Вологодской области, дело № П-11823, с. 38, 74.
51. Письма протоиерея Иоанна..., с. 36.
52. Там же, с. 41.
53. *Животовский С.* На Север с отцом Иоанном..., с. 136.
54. *Глызина Л.* Драгоценные свидетельства. — К свету, № 15. Край Кирилла Белозерского, с. 110–111.
55. РГАДА, ф. 1441, оп. 3, д. 2519, л. 8 об.–9.
56. [*Арсений (Жадановский), еп.*]. Иоанн Кронштадтский: Неизданный дневник. Воспоминания епископа Арсения об отце Иоанне Кронштадтском. М., 1992, с. 49.
57. Беседы святого праведного Иоанна..., с. 64.
58. Там же, с. 65–66.